

ИСТОРИЯ

ИЗДАЕТСЯ С 1992 Г.
№ 9

his.1september.ru

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ

тема номера

УРОКИ 1917 ГОДА

ВНУТРИ НОМЕРА
CD

и код доступа
к электронной
версии

история

Путешествие
в XVII век
с. 10

методика

Петроград:
три дня в октябре
с. 41

обществознание

Куда поднимет
социальный лифт?..
с. 56

издательский
дом
1september.ru

Первое сентября

октябрь
2012

ИСТОРИЯ подписка «Роспечать» 32028 (бумажная версия), 19180 (электронная); «Почта России» 79068 (бумажная версия), 16557 (электронная)

Петроград: три дня в октябре

1917 год оставил множество мемуарных свидетельств. Поэтому мы можем реконструировать не только действия, но и мотивы поступков почти всех главных и даже второстепенных действующих лиц российской политической драмы от февраля до октября того судьбоносного для России года.

Правда, в хрестоматиях по истории России XX в. и в нашем историческом сознании по известным причинам укоренились свидетельства, принадлежащие только одной — большевистской — стороне. Целостная картина происшедшего пока не вошла в наш умственный и образовательный обиход. Мы хотим хоть в небольшой степени восполнить этот пробел. В предлагаемой подборке есть свидетельства людей, принадлежавших не только к разным политическим лагерям, но и к другой культуре — американцев, заброшенных в гущу русских событий.

24 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Бесси Битти

Однажды вечером... я, ёжась, шла по серым улицам Петрограда. Было холодно, как в комнате, где витает смерть, где всё кажется заброшенным, уродливым и отталкивающим. Осень уже скончалась, но похороны её запоздали.

Последняя медно-жёлтая листва слетела с деревьев и уже несколько дней лежит, втоптанная в пыль. Серые стволы берёз стоят голые и как бы чувствуют свою наготу. Город окутан в бесполезную пелену тумана, слишком редкую, чтобы скрыть его наготу, каждый оголённый куст и разбитый карниз умоляют зиму скорее прикрыть его.

Я отвернулась от Летнего сада и быстро прошла мимо...

Я поторопилась обратно в мою бело-голубую комнату, задернула занавеси, зажгла свет и свернулась на кушетке, чтобы уйти с головой в книгу стихов и забыть всё.

На следующий день в три часа я позвонила американскому консулу. Ответа не было. Испытывая судьбу, я постучала по рычагу, как это делают сердитые телефонистки, но ответа всё равно не последовало.

— Неужели началось? — подумала я и тут же рассмеялась: уже много недель в Петрограде задают этот вопрос. Как только гаснет электричество, не идёт

вода, кто-то хлопнет дверью или уронит полено, в Петрограде говорят: «Началось!»

Николай Суханов

...В Зимнем с утра собралось Временное правительство. Занимались «органической работой», продовольствием и проч. Затем перешли к «создававшемуся положению». Керенский снова настаивал на аресте Военно-революционного комитета. Но возражал министр юстиции Малянтович и кто-то ещё. Тогда Керенский решил апеллировать к Предпарламенту и собрался сейчас же отправиться туда... Это было совершенно не нужно и смешно. Неограниченные полномочия были налицо. Практика, традиции, привычка также позволяли произвести любые аресты и разгромы: ведь сотни большевиков по-прежнему сидели и голодали в тюрьмах, тщетно ожидая допросов и предъявления обвинений; за агитацию по-прежнему хватали и сажали походя, как только представлялась возможность. Почему же возник какой-то особый вопрос об аресте нескольких большевиков, представлявших собой центр явного и уже начатого мятежа? Не потому ли, что здесь был риск — свалки и кровопролития? Пустяки! Ведь снаряжали же экспедиции на дачу Дурново — с разгромом и кровопролитием... Нет, тут просто не

было решимости и смелости, а была дряблость и бессилие «неограниченных».

Но пока во всяком случае, были решены дальнейшие боевые действия. Какие? Какие были под силу и по разуму. Было приказано, чтобы помешать выступлению, развести все мосты, кроме Дворцового.

Разводка мостов сейчас же создала в городе обстановку совершившегося «выступления» и начавшихся беспорядков. Вся столица, доселе совершенно спокойная, взволновалась. На улицах стали собираться толпы. Задвигались вооружённые отряды: надо было помешать разводке, а где уже развели, навести снова. Для этих операций Военно-революционный комитет двинул рабочих, красноармейцев. У мостов происходили небольшие столкновения или, лучше сказать, пререкания, трения. Ни та, ни другая сторона не была склонна к серьёзной склоке. Смотря по численности, уступали то красноармейцы, то юнкера. И мосты в этот день несколько раз сводились и разводились.

Возбуждение и скопление были единственным результатом новой меры правительства. Но беспорядков всё же не было. Стрельба нигде не наблюдалась. Зато «слухи» летали по городу самые тревожные в течение целого дня.

Джон Рид

В эти дни Петроград представлял собой фантазмагорическое зрелище. На заводах помещения комитетов были завалены винтовками. Приходили и уходили связные, обучалась Красная Гвардия... Во всех казармах днём и ночью шли митинги, бесконечные и горячие споры. По улицам в густевшей вечерней тьме плыли густые толпы народа. Слово волны прилива, двигались они вверх и вниз по Невскому. Газеты брались с боя... Грабежи дошли до того, что в боковых улочках было опасно показываться...

тельные планы спекулянтов и контрабандистов...

Под холодным пронизывающим дождём, под серым небом огромный взволнованный город нёсся всё быстрее и быстрее навстречу — чему?..

Николай Суханов

В первом часу дня открылся Предпарламент. Началось и тут с «органической работы». Министр внутренних дел докладывал об анархии на местах и о захватах продовольственных грузов. Но во время его речи появляется Керенский и сейчас же,

Временное правительство получило от вас ответ, может ли оно исполнить свой долг с уверенностью в поддержке этого высокого собрания!..

Снова все встают и рукоплещут — кроме интернационалистов.

В общем, выступление Керенского, как видим, было совершенно излишним... Керенский выступил просто потому, что ничего другого не мог сделать. Он выступил вместо того, чтобы что-нибудь сделать реальное.

Но всё же прочтите его речь: ведь этот человек действительно верил, что он нечто делает, так же как верил и в то, что он на самом деле не громит Смольный именно из демократизма, из чувства законности и прочего. Таков уж он был...

Рита Дорр

Керенский с самого начала был величайшим идеалистом, проповедником, пророком. Он в значительной степени изменился в период февраля–октября 1917 г. Но происшедшее, как я полагаю, в целом доказало, что он был и остался крайним идеалистом, мечтателем, а не политическим деятелем. Такие люди никогда не становятся великими лидерами. Они могут возбудить огромный энтузиазм, поднять массы народа на высшую ступень вдохновения, могут даже поддерживать это состояние некоторое время. Но этим потенциал политических мечтателей исчерпывается.

Зинаида Гиппиус

Сегодня несчастный Керенский выступал в Предпарламенте с речью, где говорил, что все попытки и средства уладить конфликт исчерпаны (а до сих пор всё уговаривал!) и что он просит у Совета санкции для решительных мер и вообще поддержки правительства. Нашёл у кого просить и когда!

Имел очередные рукоплескания, а затем... началась тягучая, преступная болтовня до вечера, все «вырабатывали» разные ре-

Однажды днём на Садовой я видел, как толпа в несколько сот человек избивала до смерти солдата, пойманного на воровстве... Какие-то таинственные личности шныряли вокруг хлебных и молочных хвостов и нашёптывали несчастным женщинам, дрожащим под холодным дождём, что евреи припрятавают продовольствие и что в то время, как народ голодает, члены Совета живут в роскоши.

Игорные клубы лихорадочно работали от зари до зари, шампанское текло рекой, ставки доходили до двухсот тысяч рублей. По ночам в центре города бродили по улицам и заполняли кофейни проститутки в бриллиантах и драгоценных мехах...

Монархические заговоры, германские шпионы, головокружи-

после меньшевика Никитина, спешит на трибуну. Бледный, возбуждённый, с воспалёнными от бессонницы глазами, но несколько торжественный, он говорит, что правительство поручило ему сделать заявление. Но произносит длинную речь.

...Следует патриотическое заявление об угрожающем внешнем враге, снова о достоинстве государства и снова о преданности принципам демократизма. И наконец министр-президент заключает речь, с одной стороны, предупреждением, с другой — требованием, обращённым к Предпарламенту:

— Пусть население Петербурга знает, что оно встретит власть решительную... Я прошу от имени страны, я требую, чтобы сегодня же, в этом дневном заседа-

золюции. Кончилось, как всегда, полуничем, левая часть (не большевики, большевики давно ушли, а вот эти полубольшевики) пятью голосами победила, и резолюция такая, что Предпарламент поддерживает правительство при условиях: земля — земельным комитетам, активная политика мира и создание какого-то «комитета спасения».

Противно выписывать всё это бесполезное и праздное идиотство, ибо в то же самое время: Выборгская сторона отложилась, в Петропавловской крепости весь гарнизон «за Советы», мосты разведены.

Все как будто в одинаковой панике, и ни у кого нет активности самопроявления, даже у большевиков. На улице тишь и темь. Электричество неопределённо гаснет, и тогда надо сидеть особенно инертно, ибо ни свечей, ни керосина нет.

Джон Рид

Когда мы подошли к Смольному, его массивный фасад сверкал огнями. Со всех улиц к нему подходили новые и новые люди, торопившиеся сквозь мрак и тьму. Подъезжали и отъезжали автомобили и мотоциклы. Огромный серый броневик, над башенкой которого развевались два красных флага, завывая сиреной, выполз из ворот. Было холодно, и красногвардейцы, охранявшие вход, грелись у костра. У внутренних ворот тоже горел костёр, при свете которого часовые медленно прочли наши пропуска и огля-

дели нас с ног до головы. По обеим сторонам входа стояли пулемёты со снятыми чехлами и с их казённых частей, извиваясь, как змеи, свисали патронные ленты. Во дворе, под деревьями сада, стояло много броневиков; их моторы были заведены и работали. Огромные и пустые плохо освещённые залы гудели от топота тяжёлых сапог, криков и говора...

Настроение было решительное. Все лестницы были залиты толпой: тут были рабочие в чёрных блузах и чёрных меховых шапках, многие с винтовками через плечо, солдаты в грубых шинелях грязного цвета и в серых меховых папах. Среди всего этого народа торопились, протискиваясь куда-то, известные многим Луначарский, Каменев... Все они говорили одновременно, лица их были озабочены, у каждого под мышкой переполненный бумагами портфель. Закончилось заседание Петроградского Совета.

Николай Суханов

Часов в одиннадцать вечера в Смольном было назначено соединённое заседание рабоче-солдатского и крестьянского ЦИК. Забегав снова в редакцию газеты «Новая жизнь», я часов около десяти отправился в Смольный... И снаружи, и внутри этого вооружённого лагеря требовали пропусков.

Однако решительного вида и заявления члена ЦИК — было достаточно, чтобы попасть в его недра...

Лестницы и коридоры были наполнены вооружённой толпой. В Большом зале почему-то неполное освещение. Но зал переполнен, и чрезвычайно много оружия всяких родов.

Заседание началось около двенадцати.

На большой, слабо освещённой эстраде за столом одиноко сидел Гоц (А.Р.Гоц — председатель ВЦИК 1-го созыва. — *Ред.*) Конечно, он дал слово Дану (Ф.И.Дан — член Исполкома Петроградского Совета. — *Ред.*) для доклада по «текущему» моменту. Но Дан видел воочию, что находится совсем не в собрании соединённых ЦИК, а среди непосредственных участников восстания. И свою речь он обратил именно к ним.

Убеждения Дана были довольно слабы. Это были скорее мольбы — воздержаться от губительного выступления и не слушаться большевиков.

Собрание слушало без особых протестов, но и без интереса.

— Слабо, — говорил я Мартову, — сказать ему явно нечего. Нельзя убедить голыми просьбами...

А из залы раздавались вялые, но сердитые возгласы:

— Ладно!.. Слыхали!.. Восемь месяцев терпели!

И снова выговаривали сквозь зевоту:

— Восемь месяцев слушаем... Скровописцем с вашим, с Керенским... С провокатором!..

Против Дана вышел Троцкий, который был поистине блестящ, но всё же не пробудил большого энтузиазма в усталой аудитории.

От имени меньшевиков Либер, обративший в Смольном лик налево, щедро сыпал булавоными иголками, но их не заметило собрание. Затем эсер Гендельман рассказывал о том, как накануне в Петропавловке из армии Троцкого ему кричали: «Как фамилия? Ага! Стало быть, жид!..»

Но в это время на эстраде замешательство. С корректурным листом в руке Дан вне себя от гнева снова бросается на ораторское место.

В Смольный только что явился метранпаж «Известий крестьянского ЦИК» и сообщил: в типографию явился небольшой отряд красноармейцев во главе с назначенным комиссаром в лице доблестного Бонч-Бруевича. Этот комиссар немедленно принялся за цензуру «Известий» и, в частности, изъял одну статью, корректура которой находится в руках Дана.

Рассказ этот произвёл удручающее впечатление не только на нас с Мартовым. На трибуну вышел член Военно-революционного комитета Сухарьков, который заявил, что комитет никого не уполномочивал цензурировать «Известия».

Ретивость Бонч-Бруевича вновь смутила большевистских генералов.

Напротив, серой массе это пришлось очень по вкусу.

— А ежели статья контрреволюционная? — полуобернувшись в нашу сторону проворчала одна

из серых фигур, сидевших в первом ряду.

Это было им по вкусу. Со дня рождения у этой массы не было иного средства воспитания, кроме царской нагайки. Народные недра ничего не знали, кроме неё. И всё государство представлялось им с младенческих лет в образе урядника и околоточного. Теперь они сами становились государственной властью. Они уже входили в свою роль, а революция уже вкушала её прелести.

25 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

СЕРГЕЙ МСТИСЛАВСКИЙ

Восемь часов утра.

Задорно и весело застучали в дверь спальни стальные дула винтовок.

— Гей-да! Заспался! А мы уж Государственный банк заняли...

Голоса матросов — товарищей Кронштадтской организации, открываю:

— Вы зачем?

Ввалились гурьбой, знакомые и незнакомые. Все одинакие, ровные, улыбающиеся, радостные, вооружённые до зубов. Так и пышет от них жизнью. Смеются:

— За солью зашли.

— За какой солью?

— Керенскому на хвост посыпать. Чтобы не улетел...

— И не чирикал, — добавляет старшой — приземистый, рыжий, заросший до самых бровей, изпод которых глядят серые, ясные глаза.

— Ну и народ! А резолюция?..

(Несколько дней назад я ездил в Кронштадт по вызову тамошней организации, и на партийном совещании, после митинга в Морском манеже, принята была совершенно единодушная резолюция: в случае попытки большевиков поднять восстание до съезда Советов — не выступать.)

— Резолюция? Одно дело — резолюция, другое дело — революция. Подпоясывай чресла, батя. В городе порохом пахнет...

В городе, впрочем, порохом не пахло: власть фактически ле-

жала на земле. Чтобы поднять её незачем было «опоясываться»: достаточно было нагнуться...

ВЛАДИМИР ЛИХТЕНШТАДТ

Из письма 28 октября 1917 г.

...25-го я не выдержал и пошёл в Смольный. Весь день шли фракционные совещания и переговоры. Было уже ясно, что разрыв с большевиками неизбежен, что они закусил удила и несутся в пропасть...

Я не буду описывать хода событий — ты знаешь из газет.

Самым интересным были для меня вожди — Ленин и Троцкий, особенно последний. Внешность Ленина меня сначала поразила и разочаровала; Троцкий — такой, каким и должен быть. Тип еврейский (но не очень), еврейско-испанский: крупные черты лица, высокий лоб и богатая шевелюра, нахмуренные брови и пронзающий из-за очков взгляд, орлиный, скорее ястребиный нос, мясистые, чувственные, красные губы и чёрная тройка — усы и эспаньолка; голос немного резкий и «узкий» (без богатого тембра), но отчётливый, громкий, властный и гибкий, с южным акцентом.

Хорош? Жаль, что я не видел его на митингах, на лекциях, где он, говорят, носится взад и вперёд по эстраде, словно ловит мысль, набрасывается на неё и заряжает ею толпу.

На съезде он был, естественно, спокойнее. Теперь внутреннее: самое главное — он сам не горит! Этот, как и Ленин, не энтузиаст, которому много прощается за его великую любовь и великую ненависть. Ленин не горит и не зажигает, это — маньяк, энтузиаст идеи, во имя её готовый погубить весь мир. Он действует на массу своей холодной, узкой упрощённой логикой, с которой он вколачивает в неё свои идеи. Троцкий не горит, но зажигает, нужно видеть, как он действует на толпу! Это великолепный актёр, честолюбец и властолюбец, любитель сильных ощущений, широких жестов,

больших пожаров, он будет поджигать и любоваться и самолюбоваться. Без этих двух движение не приняло бы таких форм.

Зинаида Гиппиус

Пишу днём, то есть серыми сумерками. Одна подушка уже навалилась на другую: город в руках большевиков.

Лев Троцкий

Поздно вечером, в ожидании открытия заседания съезда Советов, мы отдыхали с Лениным по соседству с залом заседаний, в пустой комнате, где не было ничего, кроме стульев. Кто-то постлал нам на полу одеяло, кто-то — кажется, сестра Ленина — достал нам подушки. Мы лежали рядом, тело и душа отходили, как слишком натянутая пружина. Это был заслуженный отдых. Спать мы не могли. Мы вполголоса беседовали.

Ленин теперь только окончательно примирился с отяжкой восстания. Его опасения рассеялись. В его голосе были ноты редкой задушевности. Он расспрашивал меня про выставленные везде смешанные пикеты из красногвардейцев, матросов и солдат. «Какая это великолепная картина: рабочий с ружьём рядом с солдатом у костра!» — повторял он с глубоким чувством. «Свели, наконец, солдата с рабочим!»

Затем он внезапно спохватывался: «А Зимний? Ведь до сих пор не взят? Не вышло бы чего?» Я привстал, чтобы справиться по телефону о ходе операции, но он меня удерживал. «Лежите, я сейчас кому-нибудь поручу».

Но лежать долго не пришлось. По соседству в зале открылось заседание съезда Советов.

Павел Малянтович

Сколько же осталось у нас — Временного правительства Российской республики — военной силы? Не всё ли равно? Чем меньше, тем, пожалуй, лучше в нашем положении, когда на победу нет никакой надежды, можно избежать бесцельного кровопролития и легче определить тот момент, когда можно сдать, а

уступая очевидному перевесу в силе, без кровавых жертв.

Ружейные и пулемётные выстрелы стали учащаться. Изредка слышишь пушечные...

Раздался эвк, хотя и заглушённый, но ясно отличавшийся от всех других.

— Это что? — спросил кто-то.

— Это с «Авроры», — ответил Вердеревский. Лицо у него осталось таким же спокойным.

Минут двадцать спустя вошёл Пальчинский и принёс стакан от разорвавшегося снаряда, который залетел, пробив стену, в Зимний дворец.

Вердеревский осмотрел его и, поставив на стол, сказал:

— С «Авроры».

Стакан был повреждён в такой форме, что мог служить пепельницей.

— Пепельница на стол нашим преемникам, — оказал кто-то.

Около двух часов ночи меня вызвали к телефону. Один из личных друзей.

— Ну, как вы там? — спросил он в заключение короткого разговора.

— Ничего, бодры.

Вернулся к своему месту, улёгся на диване... Опять тишина, даже выстрелов не слышно.

И вдруг возник шум где-то и сразу стал расти, шириться и приближаться. И в его разнообразных, но слитых в одну волну звуках сразу зазвучало что-то особенное, не похожее на те прежние шумы, — что-то окончательное. Стало вдруг сразу ясно, что это идёт конец...

Кто лежал или сидел, вскочили, и все схватились за пальто...

Ясно: это уже приступ, нас берут приступом... Защита бесполезна — бесцельны жертвы...

Шум у нашей двери. Она распахнулась — и в комнату влетел, как щепка, вброшенная к нам волной, маленький человечек под напором толпы, которая за ним влилась в комнату и, как вода, разлилась по всем углам и заполнила комнату.

Человек был в распахнутом пальто, в широкой фетровой шляпе, сдвинутой на затылок, на

рыжеватых длинных волосах. В очках. С короткими подстриженными рыжими усиками и небольшой бородкой. Короткая верхняя губа подымалась к носу, когда он говорил. Бесцветные глаза, утомлённое лицо...

Почему-то его манишка и воротник особенно привлекли моё внимание и запомнились. Крахмальный, двойной, очень высокий воротник подпирал ему подбородок. Мягкая грудь рубашки вместе с длинным галстуком лезла сверху из жилета к воротнику. И воротник, и рубашка, и манжеты, и руки были у человека очень грязны.

Человек влетел и закричал резким назойливым голосом.

Мы сидели за столом. Стража уже окружила нас кольцом.

— Временное правительство здесь, — сказал Коновалов, продолжая сидеть. — Что вам угодно?

— Объявляю вам, всем вам, членам Временного правительства, что вы арестованы. Я представитель Военно-революционного комитета Антонов.

Николай Суханов

Настроение ворвавшейся толпы, с ног до головы вооружённой, было очень повышенное, мстительное, злобное, рискованное. Антонов унимал особенно распоясавшихся матросов и солдат, но не имел достаточно авторитета. Начали составлять протокол. А министры агитировали завоевателей.

Особенно кипятился Кузьма Гвоздев, убеждая направо и налево, что он свой брат — рабочий. Настроение то повышалось, то остывало. Сильно подействовало сообщение, что Керенского нет налицо. Раздались крики, что необходимо остальных переколоть, чтобы не убежали вслед за Керенским.

После довольно долгой процедуры опросов, записей, переключек двинулись арестантской колонной к выходу. Путь лежал в Петропавловскую крепость. В темноте, в третьем часу ночи, среди густой возбуждённой тол-

пы двигалась колонна по Миллионной к Троицкому мосту. Не один раз жизнь бывших министров была на волоске. Но обошлось без самосуда.

Зинаида Гиппиус

Возвращаюсь на минутку к Зимнему дворцу...

Когда же хлынули «революционные» (тьфу, тьфу!) войска, Кексгольмский полк и ещё какие-то, — они прямо принялись за грабёж и разрушение, ломали, били кладовые, вытаскивали серебро. Чего не могли унести — то уничтожали. Давили дорогой фарфор, резали ковры, изреза-

том, который древний карфагенин принял за собрание богов. Стакой массой, с авангардом петербургского пролетариата, кажется, на самом деле можно соблазниться попыткой просвещать старую Европу светом социалистической революции. Но этот несравненный тип есть исключение в России.

Рабочий-москвич отличается от петербургского пролетария, как курица от павлина. Но и москвич, мне знакомый не меньше, чем петербуржец, не ударит лицом в грязь и шит не лыком...

Тут же, на съезде, зал заполняла толпа совсем иного поряд-

чилося: позванивая бегал трамвай, увешанный, как всегда, «гроздьями висельников», по тротуарной слякоти Невского, как всегда, высокими сапожками и ботинками выступали подкрашенные дамы, делая встречным мужчинам «глаз» — томно и ласково.

Над Думою болтался большой плакат: «Вся власть Учредительному собранию!», да у Полицейского моста виделись остатки уже разобранной, уже ненужной баррикады — вот и всё новое.

А в остальном — как всегда.

Я прошёл весь Невский, дошёл до Дворцовой площади, видел здание Зимнего, истыканное пулями, словно в оспе, поваленную решётку, пули, застрявшие в чугунном узоре ограды Александровского столпа. На площади стояла большая толпа. Настроение у неё было смелое, отнюдь не подавленное. Издевались над неумением большевиков стрелять, открыто говорили, что это «ненадолго»...

И было ясно: переворот не испугал никого...

Зинаида Гиппиус

Вот холодная, чёрная ночь 24–26 октября (Гиппиус ошиблась: это была ночь 25–26 октября. — *Ред.*). Я и Д.С. (Мережковский. — *Ред.*), закутанные, стоим на нашем балконе и смотрим на небо. Оно в огнях. Это обстрел Зимнего дворца, где сидят министры.

Те, конечно, кто не успел улизнуть. Все эсеры, начиная с Керенского, скрылись. Иные заранее скрылись. Иные заранее хорошо спрятались. Остальных, когда обстрел (и вся эта позорная битва) кончилась, повели пешком, по грязи, в крепость, где уже сидели арестованные Керенским, непригодные большевикам или им мешавшие люди.

На другой день — чёрный, тёмный — мы вышли с Д.С. на улицу. Как скользко, студено, черно... Подушка навалилась — на город? На Россию? Хуже... **И**

Подготовил
АЛЕКСЕЙ САВЕЛЬЕВ

ли и проткнули портрет Серова (портрет Николая II кисти В. Серова. — *Ред.*), наконец добрались до винного погреба...

Николай Суханов

Только к одиннадцати часам стали звонить и созывать в заседание (на открытие II съезда Советов. — *Ред.*). Зал был уже полон всё той же серой, чернозёмной толпой...

Бросалась в глаза огромная разница: Петербургский Совет, то есть, в частности, его рабочая секция, состоявшая из петербургских середняков-пролетариев в сравнении с массой II съезда казалась римским сена-

ка. Из окопов и из медвежьих углов повылезли совсем сырые и тёмные люди; их преданность революции была злобой и отчаянием, а их «социализм» был голодом и нестерпимой жаждой покоя.

Это был неплохой материал для экспериментов, но эксперименты с ним были рискованны.

26 ОКТЯБРЯ 1917 ГОДА

Владимир Амфитеатров-Кадашев

О падении Зимнего я узнал лишь сегодня утром...

А на улицах всё было каждодневное, как будто ничего не слу-

Бесси Битти (1886–1947) — американская журналистка, репортёр, военный корреспондент газеты «Сан-Франциско бюллетен», впоследствии известный радиокорментатор. Находилась в Петро-

граде с весны 1917 г. по январь 1918-го, жила в гостинице «Астория», в ту пору отведённой для высших офицеров и военных репортёров. Была очевидцем главных событий осени 1917 г. По возвращении в США написала книгу «Красное сердце России».

Николай Николаевич Суханов (Гиммер) (1882–1940).

Выходец из семьи обрусевших немцев. Драматические события семейной жизни Гиммеров послужили сюжетной основой пьесы Л.Толстого «Живой труп». Окончил Первую Московскую гимназию, затем учился в Париже и в Московском университете. Весной 1917 г. Суханов вступил в партию меньшевиков, стал популярнейшим политическим публицистом. При советской власти занимался экономическими исследованиями, работал в госучреждениях. В июле 1930 г. был арестован, через год приговорён к 10 годам тюрьмы, в 1940 г. расстрелян.

Джон Сайлас Рид (1887–1920) — репортёр, один из создателей американского «нового журнализма», реформатор американского театра. Прибыл в Петроград в начале сентября 1917 г. вместе со своей женой журналисткой Луизой Брайант.

После октябрьского переворота стал активным сторонником большевиков, в 1919 г. вступил в III Интернационал. В конце жизни разочаровался в большевистских идеалах, до сих пор не ясны обстоятельства его смерти.

Рита Чайльд Дорр — военный корреспондент нью-йоркской вечерней газеты «Мейл». Она находилась в России в мае–августе 1917 г., встречалась с Анной Вырубовой, А.Ф.Керенским, великой княгиней Елизаветой Фёдоровной, членами Временного правительства. По возвращении в Соединённые Штаты опубликовала книгу «Русская революция изнутри».

Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945) — писательница, поэтесса, мемуаристка. Находилась в центре литературно-общественного движения символизма, её называли «декадентской мадонной». Её «Петербургские дневники» — один из самых волнующих, страшных, кровоточащих человеческих документов эпохи революционной смуты начала XX в.

Сергей Дмитриевич Мстиславский (Масловский) (1876–1943). Один из основателей партии левых эсеров, ближайший сподвижник Марии Спиридоновой, участник левозеро-эсеровского мятежа в

июле 1918 г., писатель, учёный-антрополог, путешественник, мемуарист, впоследствии официальный биограф В.М. Молотова. В марте 1917 г. пытался арестовать Николая II и перевести его в Петропавловскую крепость. В 1922 г. опубликовал воспоминания о революции «Пять дней».

Владимир Осипович Лихтенштадт

(1882–1919) — революционер, принимал непосредственное участие в подготовке взрыва дачи П.А.Столыпина и экспроприации в Фонарном переулке в 1906 г. в Петербурге. В ожидании суда провёл почти десять месяцев в одиночной камере тюрьмы Трубецкого бастиона. Во время Гражданской войны был комиссаром 6-й стрелковой дивизии Красной армии, погиб в бою. Остались его письма к жене Марии Тушинской, в которых отразились его впечатления от событий осени 1917 г.

Лев Давидович Троцкий (Бронштейн) (1879–1940) — один из двух руководителей Октябрьского переворота, создатель Красной армии, один из основателей и идеологов Коминтерна.

Дважды ссыльный при царском режиме, он был лишён всех гражданских прав в 1905 г. В 1929 г. он был выслан за пределы СССР. В 1932 г. Троцкий по личному указанию его главного врага Сталина был лишён советского гражданства. После высылки из СССР Троцкий создал IV Интернационал (1938) и стал его главным теоретиком. Автор работ по истории революционного движения в России, создатель капитальных исторических трудов по революции 1917 г., литературно-критических статей, воспоминаний «Моя жизнь» (Берлин, 1930).

Павел Николаевич Малянтович

(1870–1939) — присяжный поверенный, известный защитник «политических». В последнем составе Временного правительства — министр юстиции. При советской власти продолжал адвокатскую деятельность, был расстрелян. В 1918 г. в журнале «Былое» опубликовал воспоминания о последних днях Временного правительства.

Владимир Александрович Амфитезатров-Кадашев (1888–1942)

— литератор, переводчик, журналист, старший сын известного писателя А.Амфитеатрова. Эмигрировал в 1920 г. из Крыма, в 1930-е гг. сблизился с русскими нацистами, умер в Италии. Оставил дневник, в котором запечатлел октябрьские события 1917 г.